

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-72-77

Сибирская заговорная традиция в рассказе Всеволода Иванова «Жизнь Смокотинина»

А. Б. Кривенко

*Российская академия художеств
Москва, Россия*

Аннотация

Статья посвящена изучению проблемы заговорного текста как основы сюжетно-композиционной структуры. Мы анализируем рассказ Вс. Иванова «Жизнь Смокотинина», главный герой которого – Тимофей Смокотинин – создает собственный заговор: «На ком этот вздох, тот бы в щепку иссох». Многие сибирские заговоры используют щепку как основной элемент в любовной магии и колдовстве. Мы показываем, как Вс. Иванов, компилируя несколько сибирских заговоров, создал индивидуально-авторский заговор. На ключевых словах этого заговора – «щепка» и «вздох» – основан сюжет рассказа. Междометие «ох» иллюстрирует боль любви Тимофея Смокотинина и индуцированный психоз, в котором индуктором и реципиентом является одно и то же лицо: сам герой. Он переводит бытовой эпизод разжигания печи Катериной в план любовной магии. Сибирская традиция знает много ритуалов с действием разжигания печи щепкой. Возможно, Вс. Иванов использовал их в своем рассказе. Индивидуальный стиль Вс. Иванова демонстрирует, как мастерски он создает сюжет рассказа «Жизнь Смокотинина». Слово «щепка» и междометие «ох» становятся не только символами трагедии жизни Смокотинина, но и основными элементами композиции. Модернистские тенденции Вс. Иванова Вяч. Вс. Иванов усматривал также и в рассказе «Проклятая тварь» (1898) американского писателя Амброза Бирса. Основная проблема обеих историй – смерть главного героя от аутоиндуцированного психоза. В итоге мы предлагаем провести нейросемиотический анализ художественного метода и творческой манеры Вс. Иванова.

Ключевые слова

заговор, сюжет, рассказ «Жизнь Смокотинина», сибирская традиция, модернизм

Для цитирования

Кривенко А. Б. Сибирская заговорная традиция в рассказе Всеволода Иванова «Жизнь Смокотинина» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 72–77. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-72-77

The Siberian Tradition of Spell in the Story by Vsevolod Ivanov “Smokotinin’s Life”

A. B. Krivenko

*Russian Academy of Arts
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This paper is dedicate to studying the problem of spell as a plot structure. We analyze the story by Vsevolod Ivanov “Smokotinin’s Life”, the main hero – Timofei Smokotinin – of which

© А. Б. Кривенко, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

is composed the original spell: “on whom this sigh, that one will be sliver dry”. Many Siberian spell used dry silver as a basic element of love magic and witchcraft. We show as Vsevolod Ivanov compiled some Siberian spells and created original author’s spell. On keywords of this spell – “sliver” and “sigh” founded the plot of this story. The interject “oh” illustrated the ache of love Timofei Smokotinin and the induced psychosis, in which the inductor and recipient – the same person: the main hero. He translated the domestic episode firing up the oven by Catherina into the love magic plan. The Siberian tradition had many rituals with the act of firing up the oven with sliver. May be Vsevolod Ivanov known them and used in the own story. The individual style Vsevolod Ivanov show how masterfully he created the plot of “Smokotinin’s Life”. The interject “oh”, including in many words of this story. And the sliver as an “oh” became not only the symbol of tragic Smokotinin’s Life, but a basic elements of composition. The tendency of modernism this story by Vsevolod Ivanov Vyach. Vs. Ivanov saw also in the story “The Damned Thing” (1898) by American writer Ambrose Bierce. The main problem of both stories – death the main hero from the autoinduced psychosis. Finally, we offer the neurosemiotics method to studying creative manner Vsevolod Ivanov.

Keywords

spell, plot, story “Smokotinin’s Life”, Siberian tradition, modernism

For citation

Krivenko A. B. The Siberian Tradition of Spell in the Story by Vsevolod Ivanov “Smokotinin’s Life”. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 72–77. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-72-77

Памяти Вяч. Вс. Иванова

Настоящее неназываемо.
А. Вознесенский

Предлагаемое исследование посвящено анализу влияния сибирских заговоров на сюжетно-композиционную структуру рассказа Вс. Иванова «Жизнь Смокотинина» [Иванов, 2012, с. 7–13]¹.

Новелла строится как наглядная демонстрация процесса физической гибели героя – Тимофея Смокотинина – от присушки, им же самим и выдуманной, – «на ком этот вздох, тот бы в щепку иссох». Этот заговоренный текст не имеет дословного аналога в русском фольклоре. Однако, на наш взгляд, в основе этого приворота могут лежать используемые в любовной магии жителей Сибири обряды разжигания печи.

Так, Л. Н. Майков в работе «Великорусские заклинания» [2017] приводит следующие сибирские ритуалы: «Женщина разжигает лучиной печь, приговаривая: “Как горит эта лучина, Так бы тлело и болело и горело Сердце (имярек) по мне (имярек), Чтоб не мог без меня (имярек) ни день дnevать, ни ночь ночевать...”»; «Дабы вызвать любовь мужчины, женщины сушили в печи какую-либо его вещь, чтобы он так же сох, как и она. Сопровождалось приговором: “Как сохнет эта (имярек вещь), / Так по мне (имярек) будет сохнуть (имярек)”». В. С. Срезневский опубликовал сходную сибирскую присушку: «Как горит щепка в огне, так бы го-

¹ Далее рассказ цитируется по этому изданию, ссылки даются в круглых скобках с указанием страниц.

рело сердце (имярек) по мне (имярек)» [Срезневский, 1913, с. 48]. Н. Н. Покровский в работе «Тетрадь заговоров 1734 года» приводит обряд поражения в сердце: «Чтоб она (имярек) по мне (имярек) тосковала, да горевала, да сохла <...> Все бы одно думала, да мыслила, да сохла» [Покровский, 1987, с. 262–263].

Можно предположить, что Всеволод Иванов мог слышать подобные этим заговоры в сибирский период своей жизни и, контаминируя их, создал окказиональный текст любовной присушки. Е. А. Папкина справедливо отметила: «Хорошо знавший народную словесность, Иванов в “Тайное тайных” включил песни, пословицы, заговоры, не только слышанные им в родной Сибири, но и сочиненные им самим на основе фольклорных источников» [2012, с. 448].

Вполне возможно, что символика щепки, лучины, играющая ведущую роль в присушках Сибири, могла привлечь внимание Всеволода Иванова. Само слово «присуха», «присушка» имеет сугубо сибирское бытование. Словарь русских народных говоров зафиксировал следующее: «**Присуха** 1. Привораживание, приворот, колдовство. “И у нас в деревнях присухой занимаются”» (Омск. Сиб. областн.); 2. В суеверных представлениях – средство (заговоры, травы, предметы и т. п.), которые присушивают человека. “В селе-то сказывали, что она его присухой к себе приворожила” (Перм.); “Кака-то присуха есть, так присушит, что и не знаешь, что делать (Томск. Сиб.)”» [СРНГ, 1998, с. 5]. «**Присушка**. То же, что присуха в 1-м и 2-м значении. Южн.-Сиб., 1847. Иркут. обл. “Оне ее утянули в Косолопово, а там тетка-то знатливая, присушка, да чо да знат, она всё изделала. (Перм.)”» [Там же, с. 6].

Приворотная, с точки зрения Тимофея Смокотинина, щепка, которую он выбивает у Катерины из рук в начале рассказа, служит пусковым механизмом для возникновения у него индуцированного любовного психоза, где индуктором и реципиентом является сам герой. Он только и думает, что о ведовстве: «болезнь какую что ли прилепили» (с. 7); «про колдовство ему было говорить стыдно» (с. 8), «она мне и говорит: на ком этот вздох, тот бы в щепку иссох» (с. 9), «довела меня подлюка» (с. 10). О конструктивном психотерапевтическом действии заговоров мы подробно говорим в нашей работе [Кривенко, 2005, с. 515–517].

Всё в рассказе – одушевленное и неодушевленное – охает, как бы приготавливая Тимофея к тяжелому душевному слому и в итоге к смерти: «ОХнуло дерево» (с. 7), «отец <...> заОХал, застонал» (с. 7). И сам заговор «на ком этот вздох, тот бы в щепку иссох» (с. 9) <выделено мной. – А. К.> демонстрирует сознательную установку Иванова на анаграммирование междометия «ох», выражающее тяжелое состояние души. Показательно, что междометие анаграммируется в словах, относящихся как к самому Тимофею: «пОХлопывая себя» (с. 7), «жОХа вырастет для нашего сословия» (с. 7), «даже спать стал плОХо» (с. 8), «извозчик выдался из него на редкость плОХой» (с. 9), так и к Катерине: «пОХодка ее была единственная, тоскливая» (с. 9), «прОХодила она селом» (с. 9). Так, ни разу не появившись в тексте новеллы, междометие «ох» в анаграммированном виде отражает невысказанную героем любовную страсть.

Интересно, что начальные слоги фамилии и имени героини – ШЕПелова Катерина <выделено мной. – А. К.> – также представляют собой анаграмму. Они вполне могут прочитываться как «щепка». Не случайно, наряду с первоначальным названием «Тайное тайных», этот рассказ в харьковском журнале «Пламя» (1926, № 5, с. 4–5; см.: [Иванов, 2012, с. 443]), был озаглавлен автором «Щепка». Техника

анаграммирования, как убедительно показал Вяч. Вс. Иванов в работе об анаграммах в гимнах Ригведы, построена на частотных повторах слогов имени божества и носит заклинательный характер: «...ключевое слово имя богини *Вас / Речи* в самом тексте <...> отсутствует и воссоздается всей его звуковой структурой <...> все строки гимна как бы дают отблеск ключевого слова-имени, в <...> гимне около 50 раз встречается сегмент, состоящий из *v* с последующим гласным» [Иванов, 1998, с. 620].

Убийственное действие щепки превращает Тимофея из «румяного, ясного, звонкоголосого» (с. 7) и «бойкого быть с бабами» (с. 7) как в физического деграданта (он стал хромать, у него вытек глаз, десны у него совершенно голые без зубов), так и в социального отщепенца (он отбывает срок в тюрьме, становится конокрадом). Так из средства присухи, любовной магии, щепка превращается в символ и наряду с междометием «ох» становится ведущим сюжетно-композиционным приемом рассказа. Следует согласиться с выводом В. П. Скобелева: «Для того, чтобы символ стал символом, т. е. чтобы он вызвал постоянный круг ассоциаций, ему нужно пройти в рассказе В. Иванова цикл инкубационного существования <...> любовь возникает в момент, когда Катерина берет на стройке щепу – Тимофей отнимает, щепка скользит из рук и падает: “Тимофею показалось, что вместе со щепой скользнуло так же его сердце”. Именно здесь появляется символический подтекст: “А щепка-то была тяжелая”. Варьируясь, образ щепы закрепляется как символический: возникает поговорка-заклинание, якобы произнесенная вдовой: “на ком этот вздох, тот бы в щепку иссох”, на суде Тимофей растерянно произносит; “Как щепка за сердцем”. Наконец, в финале Катерина проходит через сени, где строгают гроб, где валяются щепка и стружки: “И никто теперь не помешал бы ей набрать щеп”. Эта фраза позволяет обозначить завершившееся движение символического образа щепы» [1982, с. 74].

Видоизменив словесный канон сибирских присушек, введя в него авторское: «на ком этот вздох» (с. 10), Всеволод Иванов создал особый трансформационный тип любовного заговора, оставив при этом неизменным обряд «вмазывания в печь» для иссушения сердца мужчины в эпизоде, когда Тимофей заглядывает в избу Катерины: «Катерина стояла к нему боком и тянула с печи лучины <...> Ее, стоявшую неподвижно со щепами <...> даже какое-то умиление почувствовал Тимофей <...> Тимофею стало стыдно, мерзко – и того, что он даже думал на ней жениться, и не было сил сказать о женитьбе и отцу и ей; <...> и того, что он, здоровый, казалось, смелый человек стоит, как попрошайка, под окном, не смея не только войти, но и подумать об этом» (с. 11). Так обычный эпизод разжигания печи переводится в сознании влюбленного Тимофея из бытового плана в магический.

В устном сообщении автору Вяч. Вс. Иванов провел параллель между этим рассказом В. Иванова и новеллой американского писателя Амброза Бирса «Проклятая тварь» (1898), созданного на четверть века ранее. У Амброза Бирса, как и у В. Иванова герой гибнет от аутоиндуцированного психоза, придавая обычным вещам особый психологический подтекст, направленный, якобы с особой – губительной – целью на него. В этом Вяч. Вс. Иванов усматривал модернистские тенденции, которые роднят обоих писателей. Попутно заметим, что обоих писателей роднит и почти буквальное совпадение ключевых фраз: рассказ А. Бирса «Проклятая тварь» опубликован в сборнике «Средь жизни» (1898), название кото-

рого является началом англиканской заупокойной молитвы – «Средь жизни мы в лапах у смерти» («In the Midst of Life We are in Dearth»), а к новелле «Ночь» из того же сборника «Тайное тайных», что и рассказ «Жизнь Смокотинина», Вс. Иванов ставит эпитафией поговорку: «Любовь да смерть на крови стоят» [Иванов, 2012, с. 20].

Показательно, что Вс. Иванов не мог быть знаком с творчеством Амброза Бирса, поскольку первый рассказ в русском переводе появился в журнале «Интернациональная литература» в 1928 г. Таким образом, здесь имеет место типологическая связь обоих писателей-модернистов.

Проведенный нами анализ образно-языковой особенности рассказа «Жизнь Смокотинина» показал, что Вс. Иванов не только продуктивно использовал образцы народного творчества Сибири, создав окказиональный (т. е. индивидуально-авторский) заговор, но и вместе с тем строил и сюжетно-композиционную и речевую структуру новеллы так, что заговорный текст формирует семантическое поле любовного «охания» от вздоха и гибели героя, ставшего отщепенцем от щепы. Можно говорить о ведущей стилистической тенденции Вс. Иванова использовать в языковой ткани своих произведений междометия (ср. в романе «У»; «У-у-у!! Какой большеголовый!») [Иванов, 1990, с. 278]. Поскольку произнесение междометий находится в ведении правого субдоминантного полушария мозга [Иванов, 1979, с. 121], кажется вероятным крен творческой персонологии Иванова в область правой гемисферы мозга. В дальнейшем можно применить нейросемиотический подход к исследованию языковой биографии Вс. Иванова. Такой метод, на наш взгляд, смог бы нагляднее показать новаторские языковые изыскания писателя.

Список литературы

Иванов Вс. В. Кремль. У: Романы / [Послесл. Т. Ивановой]. М.: Сов. писатель, 1990. 525 с.

Иванов Вс. В. Тайное тайных / Изд. подгот. Е. А. Папкина. М.: Наука, 2012. 566 с. (Литературные памятники)

Иванов Вяч. Вс. Нейросемиотика устной речи и функциональная асимметрия мозга // Учен. зап. Тартуского университета. Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та, 1979. Вып. 481: Семиотика устной речи II. С. 121–143.

Иванов Вяч. Вс. Очерки по предыстории и истории Семиотики // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 603–812.

Кривенко А. Б. Из наблюдений над заговорами и табу у мореходов // Заговорный текст: генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 509–518.

Майков Л. Н. Великорусские заклинания. М.: Изд-во В. Секачев, 2017. 168 с.

Папкина Е. А. Главная книга Всеволода Иванова // Тайное тайных / Изд. подгот. Е. А. Папкина. М.: Наука, 2012. С. 443–484.

Покровский Н. Н. Тетрадь заговоров. 1734 год // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 262–263.

Скобелев В. П. Поэтика рассказа. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. 156 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 1998. Вып. 32: Присуха – Протишь. 271 с.

Кривенко А. Б. Сибирская заговорная традиция в рассказе В. Иванова

Срезневский В. С. Описание рукописей и книг, собранных для императорской Академии в Олонецком крае. СПб., 1913. 688 с.

References

- Ivanov Vs. V. *Kreml' . U: Romany [Kremlin. U: Novels]*. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1990, 525 p. (in Russ.)
- Ivanov Vs. V. *Taynoe taynykh [Secretum Secretorum]*. Prep. by E. A. Papkova. Moscow, Nauka, 2012, 566 p. (Series "Literaturnye pamyatniki") (in Russ.)
- Ivanov Vyach. Vs. *Neyrosemiotika ustnoy rechi i funktsional'naya asimmetriya mozga*. In: *Uchenye zapiski Tartuskogo un-ta [Scientific Notes of the University of Tartu]*. Tartu, TSU Press, 1979, iss. 481, p. 121–143. (in Russ.)
- Ivanov Vyach. Vs. *Ocherki po predystorii i istorii semiotiki*. In: *Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury [Selected works on semiotics and cultural history]*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998, p. 603–812. (in Russ.)
- Krivenko A. B. *Iz nablyudeniy nad zagovorami i tabu u morekhodov*. In: *Zagovornyy tekst: genezis i struktura [Conspiracy text: Genesis and structure]*. Moscow, Indrik, 2005, p. 509–518. (in Russ.)
- Maykov L. N. *Velikorusskie zaklinaniya [Great Russian spells]*. Moscow, V. Sekachev Publ., 2017, 168 p. (in Russ.)
- Papkova E. A. *Glavnaya kniga Vsevoloda Ivanova*. In: *Taynoe taynykh [Secretum Secretorum]*. Prep. by E. A. Papkova. Moscow, Nauka, 2012, p. 443–484. (in Russ.)
- Pokrovsky N. N. *Tetrad' zagovorov. 1734 god*. In: *Nauchnyy ateizm, religiya i sovremennost' [Scientific atheism, religion and modernity]*. Novosibirsk, 1987, p. 262–263. (in Russ.)
- Skobelev V. P. *Poetika rasskaza [Poetics of the Short Story]*. Voronezh, VSU Press, 1982, 156 p. (in Russ.)
- Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Sayings]*. St. Petersburg, Nauka, 1998, iss. 32, 271 p. (in Russ.)
- Sreznevsky V. S. *Opisanie rukopisey i knig, sobrannykh dlya imperatorskoy Akademii v Olonetskom krae [Description of manuscripts and books collected for the Imperial Academy in the Olonets region]*. St. Petersburg, 1913, 688 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Кривенко Алла Борисовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института истории искусств, Российская академия художеств (Москва, Россия)
abokri60@gmail.com

Information about the Author

Alla B. Krivenko – Candidate of Philology, Researcher at the Institute of History of Art, Russian Academy of Arts (Moscow, Russian Federation)
abokri60@gmail.com

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2